

Ольга Панова

Черные среди красных:

АФРОАМЕРИКАНСКИЕ ЭКСПАТРИАНТЫ
И ЭМИГРАНТЫ В СССР 1930-х ГОДОВ¹

Olga Panova

Blacks Among Reds: African American Expatriates and Emigrants in the USSR in the 1930s

Ольга Панова (доктор филологических наук; ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник / МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор) olgapanova65@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские культурные контакты, эмиграция, экспатрианты, афроамериканцы, мемуары, 1930-е годы

УДК: 821.111(73).0+821.161.1P.0
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_164

В статье рассматривается феномен афроамериканской эмиграции в СССР 1930-х годов. В первой части представлены истории афроамериканских коммунистов (Ловетт Форт-Уайтмен, Виллиана Берроуз и др.), во второй — судьбы «попутчиков», технических специалистов, журналистов, деятелей культуры (Гомер Смит, Вейланд Родд, Ллойд Паттерсон и др.). Рассмотрение отдельных кейсов в их индивидуальном своеобразии тем не менее позволяет воссоздать общую картину и проследить, в какой мере расово-культурная идентичность, идеологические взгляды и профессиональная принадлежность обусловили специфику афроамериканского сообщества в сталинском СССР. В статье использованы документы и материалы из фондов российских архивов.

Olga Panova (Dr. habil.; Head Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences / Professor, Lomonosov Moscow State University) olgapanova65@mail.ru.

Key words: Soviet-American cultural contacts, emigration, expatriates, African Americans, memoirs, 1930s

UDC: 821.111(73).0+821.161.1P.0
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_164

This paper examines the phenomenon of African American emigrants and expatriates in the Soviet Union in the 1930s. The first part is devoted to African American communists (Lovett Fort-Whiteman, Williana Jones Burroughs, etc.), the second to “fellow travellers” — technical and agricultural specialists, journalists, artists (Homer Smith, Wayland Rudd, Lloyd Patterson, etc.). Case studies focusing on individual life stories offer a generalized vision of the phenomenon in which ideology, ethnic/racial, cultural, and professional identity define the peculiar world of the small African American community in Stalin’s USSR. The article uses primary source materials from the Russian archives.

Афроамериканские коммунисты: между идеологией и реальностью

Взаимное притяжение Советской России / СССР и «Афроамерики» обозначилось сразу же после революции 1917 года. Расовый вопрос в США с самого начала привлекал внимание архитекторов русской революции. В Коминтерне с момента его основания зрела идея созыва всемирного негритянского съезда

1 Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия/СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

под эгидой мирового коммунистического движения²; Джон Рид составил на имя Г.Е. Зиновьева большую докладную записку о положении негров в Америке³. На рубеже 1922—1923 годов в Коминтерне было создано Негритянское бюро Восточного секретариата Исполком Коминтерна (ИККИ)⁴. Сто двадцать дел Негритянского бюро, сохранившиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории⁵, содержат документацию, которая позволяет реконструировать масштаб работы, проводившейся Коминтерном в 1920—1930-х годах в США и «Черной Атлантике».

Для левых афроамериканских интеллектуалов главным в СССР был факт законодательного запрета расизма и миф о полном искоренении бытового расизма. Именно отсутствие дискриминации и сегрегации было мощным импульсом, побуждавшим их ехать в СССР для знакомства со страной, для учебы, работы. Принимающая сторона, приглашая их, всегда имела в виду пропагандистские цели, однако роль чернокожих эмигрантов отнюдь не сводилась к пропаганде: они, бесспорно, внесли вклад в культуру и экономику страны. Реконструкция и осмысление этих кейсов, сочетающих и типичное, и неповторимо-индивидуальное, позволяют ярче представить разнообразие мотивов и побуждений, стоявших за решением переехать в Советский Союз, сложность и многовекторность феномена афроамериканской эмиграции в СССР.

Небольшое афроамериканское «комьюнити» в Советском Союзе 1920—1930-х составляли политические эмигранты — черные коммунисты; технические и сельскохозяйственные «спецы»-профессионалы; литераторы, деятели культуры и журналисты. Первыми, уже в середине 1920-х годов, в новой России стали появляться представители первой категории, поскольку в СССР начинает работать программа подготовки чернокожих кадров для мирового коммунистического движения. Одним из первых ее участников стал Ловетт Хьюи Форт-Уайтмен (Lovett Huey Fort-Whiteman, 1889—1939) — уроженец Далласа, закончивший престижный негритянский Университет Таскиги с дипломом инженера-механика, но мечтавший об артистической карьере и романтически увлекшийся Мексиканской революцией. В 1920-е годы он дружил с известными чернокожими социалистами и профсоюзными лидерами, участвовал в движении «новых негров» и Гарлемском ренессансе, пробовал себя в качестве публициста и автора рассказов. Под влиянием своего друга, леворадикального карикатуриста Роберта Майнора, очевидца русской революции, Форт-Уайтмен вступил в компартию США в 1919 году, вскоре после ее создания. В 1924 году он впервые приехал в СССР (под партийным псевдонимом Джеймс Джексон) на V Конгресс Коминтерна, где выступил с резкой критикой американской компартии за отсутствие работы с негритянскими массами⁶. В Москве он активно участвовал в деятельности Негритянского бюро Комин-

-
- 2 См.: Письмо Малого бюро ИККИ от 25 февраля 1919 года Джону Риду и др. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 155. Д. 1.
 - 3 Докладная записка Джона Рида Г. Зиновьеву о негритянском вопросе в США, 31 декабря 1919 года. Там же. Л. 3—11.
 - 4 Выписка из решения ИККИ по негритянскому вопросу (18 декабря 1922 года). РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 2.
 - 5 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155.
 - 6 *Джеймс Джексон [Форт-Уайтмен Л.]*. Негры в Америке // Коммунистический интернационал. 1924. Декабрь. Т. 8. № 37. С. 254—260.

терна⁷, отучился в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), сблизился с Н.М. Бухариным и Г.Е. Зиновьевым, с которыми поддерживал контакт до Московских процессов.

По возвращении из СССР в октябре 1925 года Форт-Уайтмен становится основателем и харизматичным лидером Американского негритянского рабочего конгресса (American Negro Labor Congress, ANLC). Благодаря Форт-Уайтмену Коммунистическая партия (КП) США достигает беспрецедентных успехов в вербовке афроамериканцев. В числе тех, кого Уайтмен привел в компартию, были люди, ставшие заметными фигурами не только в американском партаппарате, но в Коминтерне: Гарри Хейвуд (настоящее имя Хейвуд Холл) и его брат Отто Холл, Уильям Л. Паттерсон, Рой Махони. Гарри Хейвуд отмечал актерский талант Форт-Уайтмена: вербуя рекрутов для Советов, он «изображал русский стиль в одежде: надевал длинную мужскую рубашку, доходившую ему почти до колен, декоративный пояс, высокие сапоги и меховую шапку. Это был настоящий черный казак, прогуливающийся по чикагскому Саутсайду»⁸.

В 1928 году Форт-Уайтмен приехал в Советский Союз на VI Конгресс Коминтерна, после чего планировал вернуться в Штаты, к работе в ANLC. Однако Коминтерн отозвал его с этого поста, предложив ему в качестве компенсации работу в Москве. Главную роль в таком решении сыграли два обстоятельства. Во-первых, Форт-Уайтмен был не согласен с программой КП США по решению расового вопроса, которая предполагала создание негритянской социалистической республики на основе Черного пояса — южных штатов с большим процентом негритянского населения. Во-вторых, его возвращению воспротивились влиятельные черные коммунисты: «Новых черных партийных лидеров отнюдь не радовала перспектива иметь возле себя разжалованного соперника, и, чтобы убрать его с дороги и в качестве утешительного приза за прежние заслуги, Коминтерн предложил ему работу в Москве» [The Soviet World... 1998: 218]. Так приезд в Москву в 1928 году обернулся эмиграцией — вначале добровольной, а затем вынужденной: ловушка захлопнулась, и в США Форт-Уайтмен больше не вернулся никогда.

В Москве Форт-Уайтмен влился в небольшую местную колонию афроамериканских экспатриантов, вступил в ВКП(б) (1929), сотрудничал с газетой «Moscow Daily News», женился «на русской еврейке, работавшей в московском исследовательском институте. Они жили в сырой, темной комнате в Газетном переулке, в полутора кварталах от Центрального телеграфа»⁹. По свидетельству своих чернокожих соотечественников-эмпатриантов журналиста Гомера Смита и технического специалиста Роберта Робинсона¹⁰, он преподавал в Москве в англо-американской школе, выступал с пропагандистскими лекциями об

7 См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 25—27, 37, 38.

8 *Haywood H.* Black Bolshevik: Autobiography of an Afro-American Communist. Chicago: Liberator Press, 1978. P. 144.

9 *Smith H.* Black Man in Red Russia. Chicago: Johnson Publ., 1964. P. 78. В книге Гомера Смита «Чернокожий в красной России» Ловетту Форт-Уайтмену посвящена глава «Исчезновение чикагца» (A Chicagoan Disappears. P. 77—83). Далее ссылки на это издание даны в тексте с пометой (Smith 1964).

10 *Робинсон Р.* Черный о красных. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца / Пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2012. С. 399. Далее ссылки на это издание даны в тексте в скобках с пометой (Робинсон 2012).

американском расизме, а также сотрудничал с МГУ, участвуя в разработках в области рыбного хозяйства (см. также: [Tzouliadis 2009]). В 1932 году Форт-Уайтмен в качестве консультанта участвовал в подготовке сценария несостоявшегося фильма о расовой проблеме в США «Черные и белые».

Однако тучи над ним продолжали сгущаться. В 1932-м его исключили из ВКП(б) «за неуплату взносов»; в 1933 году он подал заявление в Коминтерн и КП США с просьбой разрешить ему вернуться на родину, но получил отказ [The Soviet World... 1998: 219].

Ф.И. Фирсов, первый исследователь, реконструировавший трагическую историю Форт-Уайтмена на основе найденных им архивных документов из фонда Коминтерна (см.: [Ibid.: 218—227]), доказал, что обвинения против Форт-Уайтмена и его арест были основаны на характеристиках, которые давались ему американскими товарищами по партии, и в первую очередь братьями по расе, влиятельными черными коммунистами — У.Л. Паттерсоном, Дж.У. Фордом, которые в своих отчетах и донесениях инкриминировали ему троцкизм и контрреволюционную деятельность. Паттерсон, например, сообщал, что Форт-Уайтмен открыто провозглашает антипартийную линию в расовой и национальной политике, что его целью является разложение негритянских элементов, что он действует в интересах американского консульства [Ibid.: 221—222, 343].

В начале 1937 года Форт-Уайтмен подал еще одно прошение о возвращении на родину, снова получил отказ, а вскоре был арестован, 1 июля был осужден за «антисоветскую агитацию» и контрреволюционные взгляды и приговорен к высылке в Семипалатинск, где прожил около года, работая учителем в местной школе. Но террор набирал обороты, и уже 8 мая 1938 года приговор был пересмотрен: Уайтмен был осужден по более тяжким статьям как контрреволюционер, шпион и троцкист, приговорен к пяти годам ИТЛ и отправлен под Магадан, в Юглаг [Ibid.: 222], где должен был добывать золото на колымских приисках в системе Дальстроя. Р. Робинсон сообщает в своих мемуарах:

В 1959 году я узнал о его судьбе от своего знакомого, а тот — от одного русского, бывшего заключенного... Он рассказал, что в лагере работал с Уайтманом в одной бригаде. Всякий раз, когда Ловетт не мог выполнить норму, его жестоко избивали; ему выбили все зубы. Здоровье его было окончательно подорвано, и он умер от истощения (Робинсон 2012: 399).

От непосильной работы, побоев, недоедания и сурового климата здоровье Форт-Уайтмена быстро разрушилось, и в январе 1939 года он скончался в возрасте 44 лет в лагерьной больнице поселка Усть-Таежный [The Soviet World... 1998: 222—227] (см. также: [Carew 2009: 182—183; Tzouliades 2009: 98—99]).

На данный момент Ловетт Форт-Уайтмен — единственный афроамериканец, о котором известно, что он был репрессирован в СССР в период сталинизма. У других чернокожих коммунистических лидеров, в том числе и завербованных Уайтменом, жизнь в СССР складывалась удачно. Отто Холл, Гарри Хейвуд, Уильям Л. Паттерсон, Джордж Пэдмор прошли через обучение в коминтерновской кузнице кадров КУТВ, после обучения оставались в Москве для работы, и это становилось трамплином для их карьерного взлета: Хейвуд четыре года (1926—1930) колесил по стране, проявил себя как последовательный сталинист, воюя с левой оппозицией Троцкого и правой оппозицией Бухарина. Паттерсон прожил в СССР три года (1927—1930), успев за это время завести русскую жену, которая родила ему двух дочерей (обе они остались в России).

Пэдмор за два года в Москве (1929—1930) сделал стремительную карьеру — остался работать в Профинтерне, был избран в Моссовет и сотрудничал в газете «Moscow Daily News» [Blakely 1979: 91—93; Carew 2009: 27—48].

Ловетт Форт-Уайтмен и чернокожие аппаратчики, обласканные в СССР, пробившиеся в верхние партийные эшелоны, — два полюса, между которыми помещаются истории целого ряда коммунистов, не переживших подобных взлетов и падений. Таковы, например, случаи Генри Скотта из Нью-Йорка и Роберта Росса (Robert Ross, настоящее имя Gary Johnson) из Миннеаполиса. Джонсон-Росс и Скотт прибыли учиться в КУТВ в 1928 году, были исключены отсюда за плохое поведение [McClellan 1993: 377], но остались в Москве. Скотт нашел работу в оркестре Александра Цфасмана — танцевал чечетку; женился на выпускнице Института иностранных языков, у них родилась дочь Марджори Скотт, окончившая балетное училище при Большом театре и ставшая танцовщицей. Однако семейная жизнь Скотта не сложилась — его так и не приняли родственники жены, и в итоге супруги развелись. Скотт женился вторично, и в 1938 году уехал с женой в США (см. о нем: [Silsby 2018: 43—76]).

Роберт Росс прожил в Москве всю оставшуюся жизнь, сделав «неоднозначную карьеру в качестве актера, лектора и бонвивана» [McClellan 1993: 377]. Р. Робинсон включил в свои мемуары большой очерк о Россе, которого он хорошо знал и обрисовал очень живо. Робинсон, человек глубоко верующий, не говорит прямым текстом, но явно намекает, что Росс продал душу князю мира сего, — став кремлевским пропагандистом, «ради материального благополучия он согласился распространять по всему Советскому Союзу искаженную информацию об Америке» (Робинсон 2012: 335) и демонстрировать перед гостями СССР лубочный образ Советской страны. Выстраивая рассказ о Россе как историю о заблудшем грешнике, Робинсон говорит о конце его жизни — обнищании, внезапной страшной болезни, одиночестве и смерти как о расплате за дьявольскую сделку (Там же: 338).

Роберт Росс смог адаптироваться к советской системе и сумел провести большую часть своей жизни в СССР, наслаждаясь номенклатурными жизненными благами. Тем, кто оказался менее гибким и более принципиальным, сохранявшим веру в аскетический коммунистический идеал, пришлось гораздо труднее. Яркий пример тому — Виллиана «Лиана» Джонс-Берроуз (Williama “Liana” Jones Burroughs, 1882—1945), школьная учительница из Нью-Йорка, которая в сентябре 1926 года вступила в компартию США и вскоре сделала журналистскую карьеру: в 1926—1935 годах в левой прессе США у нее вышло больше двадцати статей (под настоящим именем и под псевдонимом Мэри Адамс). В СССР в «Вестнике иностранной литературы» (1928. № 10) был напечатан перевод ее большой статьи о Гарлемском ренессансе: Виллиана была вхожа в мир литературы, театра, артистической богемы.

В июле 1928 года Виллиана вместе с двумя младшими сыновьями Чарльзом и Нилом приехала в Москву на VI Конгресс Коминтерна. Познакомившись в ходе «культпоказов» с советской системой образования, она решила оставить сыновей в советской школе-интернате. Летом 1929 года она снова посетила СССР, затем провела там год (1930—1931), работая в Коминтерне. Наконец, в октябре 1935 года она отправилась в Москву по приглашению Анны-Луизы Стронг работать в газете «Moscow Daily News» корреспондентом и редактором, а в 1937 году устроилась во Всесоюзный радиокомитет редактором и диктором англоязычных программ на «Radio Moscow».

В годы Второй мировой войны Джонс-Берроуз дважды (в 1940-м и 1942-м) пыталась добиться разрешения вернуться на родину, но ей отказывали, мотивируя это нехваткой англоязычных редакторов и дикторов в условиях военного времени [The Secret World... 1995: 201—202]. Осенью 1941 года она была эвакуирована в Куйбышев, где велось интенсивное радиовещание. Впоследствии ветеран советского пропагандистского радио Джо Адамов вспоминал:

С нами работала негритянка Виллиана Берроуз. Она очень плохо говорила по-русски и каждый раз ломала язык, пытаясь выговорить названия русских деревень. <...> ...она сочувствовала нам и добровольно оставалась с нами, пока шла война, разделяя с нами все тяготы и, как все мы, получала продуктовую карточку сотрудника (цит. по: [Carew 2009: 178]).

В Куйбышеве эвакуированных расселяли по домам и квартирам, часто неотапливаемым и малопригодным для жизни. Гомер Смит рассказывает в своих мемуарах:

В первую мою неделю в Куйбышеве я встретил старую американку, негритянку Виллиану Берроуз, ветерана американской компартии. <...> Ей и еще одной дикторше-британке выделили комнатку в холодном подвале на улице Куйбышева. Старая негритянка страдала от недоедания и была слишком плохо одета (как и десятки тысяч эвакуированных в Куйбышеве), чтобы выдержать сильный холод, который дошел от Сибири до Волги и сковал город. Мне было жаль старую женщину, и я нередко покупал ей несколько бутылок водки в специальном дипломатическом магазине, в который пускали иностранных корреспондентов. Она не пила эту «московскую ослиную мочу», но сумела с выгодой распорядиться водкой, обменивая ее на еду и одежду. Вернувшись в Москву после войны, она призналась мне, что сыта по горло жизнью в России (Smith 1964: 127).

Виллиана Джонс-Берроуз с благодарностью приняла помощь собрата по расе. В Москве она воссоединилась со своими сыновьями (старший ее сын Чарльз был мобилизован и служил в Красной армии военным шофером), а после окончания войны смогла вместе с детьми вернуться в США, но по возвращении она прожила всего несколько месяцев и уже в декабре 1945-го умерла в Нью-Йорке.

Между двумя противоположностями — ловким приспособленчеством «трикстера» Роберта Росса и правоверной коммунисткой, идеалисткой Виллианой Джонс-Берроуз, — помещается случай писателя, журналиста, критика, редактора Юджина Гордона (Eugene Gordon, 1891—1974). Выпускник Говарда, одного из старейших негритянских университетов, по специальности «Английский язык и литература», отмеченный боевыми наградами ветеран Первой мировой, Гордон в 1919 году поселился в престижном районе Бостона, печатался в крупных белых и негритянских журналах («American Mercury», «Opportunity», «Nation» и др.), в 1925 году создал свой литературный клуб — Saturday Evening Quill Club и в 1928—1930 годах выпустил три его литературных ежегодника-альманаха [Davis, Mitchell 2009].

С началом Великой депрессии Гордон, как и многие либеральные интеллектуалы, стремительно полевел: в 1931 году вступил в компартию, стал одним из основателей бостонского Клуба Джона Рида и его органа, журнала «Leftward», начал публиковаться в центральной коммунистической прессе — «New Masses» и «Daily Worker», а также печататься и упоминаться в советской пе-

риодике. В английской версии «Интернациональной литературы» (1934. No. 1) выходит его автобиографичный рассказ «Ужасы детства на Юге» (Southern Boyhood Nightmares), и одновременно в русской версии «Интернациональной литературы» (1934. № 1) был напечатан перевод его статьи, вышедшей в «New Masses»¹¹. В ней Гордон попытался предложить марксистский анализ черной литературы, который, однако, ощутимо отдавал фрейдизмом (см. подробный анализ этой статьи Гордона: [Solomon 1998: 277—278]):

Эта искусственно созданная нация (американские негры. — *О. П.*) неизбежно породила нездоровую культуру. Превращаясь в нацию, негры оставались, однако, подчиненной нацией, более того — нацией рабской. Естественный выход для национальных устремлений был закрыт, и это вызвало национальный психоз¹².

Творчество авторов Гарлемского ренессанса Гордон охарактеризовал как «декадентское», отражающее состояние упадка, в который вступила буржуазия после мировой войны. Декадансом Гордон объясняет и моду 1920-х годов на негритянскую культуру: «пресыщенная буржуазия» ринулась искать «что-то вкусное на задворках старого порядка» и обратилась к неграм¹³.

Выступая с разгромной критикой, Гордон проявил себя как чернокожий «рапповец» из американского Клуба Джона Рида: он с размаху пригвоздил к позорному столбу крупнейших авторов Гарлемского ренессанса, составивших цвет и славу афроамериканской литературной традиции, будучи сам литератором и критиком, мягко говоря, далеко не первого ряда. О том, как его собственное творчество оценивали товарищи в Москве, свидетельствует его переписка с редакцией «Интернациональной литературы»: Гордон упорно предлагает для публикации одно свое стихотворение за другим и каждый раз получает решительный отказ, порой сопровождаемый отповедью¹⁴.

К 1935 году Гордон принял решение пожить и поработать в СССР — оно созрело у него в результате общения с соотечественниками, осевшими в Москве, особенно с Уолтом Кармоном, который тогда работал редактором англоязычной «Интернациональной литературы»; как свидетельствует их сохранившаяся переписка, Кармон помогал Гордону с трудоустройством и переездом¹⁵.

Двадцать шестого — двадцать восьмого апреля 1935 года Гордон принимал участие в Первом конгрессе американских писателей, на котором была создана Национальная писательская лига США, а затем приехал в СССР, где 2 июня выступил в Москве с подробным докладом о только что прошедшем писательском конгрессе и ответил на вопросы. Среди присутствующих были представители Коминтерна, Международного объединения революционных писателей, Международного объединения революционных театров, Издательства иностранных рабочих и разных советских литературных институций, в том числе С. Динамов, М. Аплетин, А. Станде, переводчики И. Кашкин, В. Топер, Н. Дарузес, А. Еленовская, Н. Камионская, критик М.В. Урнов, С. Третьяков, Анна-Луиза Стронг,

11 *Gordon E. Negro Novelists and the Negro Masses // New Masses. 1933. July. Vol. 8. No. 11. P. 16—20.*

12 *Гордон Ю. Негритянская литература в Америке / Пер. с англ. Ел. Романовой // Интернациональная литература. 1934. № 1. С. 94.*

13 Там же. С. 96.

14 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 830.

15 Там же. Ед. хр. 812.

Уолт Кармон и др. Копии доклада были отправлены заместителю заведующего Англо-американским секретариатом Коминтерна И.Г. Мингулину и А.С. Щербакову, занимавшему тогда пост оргсекретаря Союза писателей СССР¹⁶.

Гордон прожил в Москве два с половиной года в качестве журналиста «Moscow Daily News». Он писал на самые разные темы — о стахановском движении, искоренении преступности и проституции в СССР, советском цирке, московском зоопарке, колхозах, строительстве метро, ездил в командировки и готовил репортажи из разных концов Советского Союза.

В самый разгар Большого террора он взял интервью у генерального Прокурора СССР А.Я. Вышинского¹⁷, в котором Вышинский сообщил, что по всей стране уголовники — «бандиты, грабители, растратчики и некоторые убийцы» — стали массово сдаваться властям, чтобы понести заслуженное наказание и начать новую жизнь, поскольку даже на уголовные элементы оказывает влияние идущее вокруг социалистическое строительство и принятие новой Конституции. Прокурор СССР подчеркивал, что эти уголовники «морально стоят выше преступников-троцкистов». Публикация Гордона появилась ровно за два месяца до приговора Форт-Уайтмену, которого 1 июля 1937-го отправили в ссылку в Казахстан.

В 1938-м Гордон вернулся на родину, где продолжал публиковаться в «Daily Worker», увлекался рисованием, а также писал длинный автобиографический роман «Пикник в Кортхауз-сквер» (Picnic in Court House Square) [Davis, Mitchell 2009: 404]. Гордон пробовал себя в разных амплуа и везде демонстрировал средние достижения, оставаясь человеком трудолюбивым и уважаемым. Среди бурь и катастроф XX столетия он прошел «между струй», не приближаясь к опасным крайностям. Он не вступал в сделку с совестью, подобно Россу, поскольку сохранял безмятежную веру в правоту дела коммунизма, и, в отличие от Виллианы Берроуз, ему удалось избежать разочарования в идеалах. Он не попал под каток репрессий — а, напротив, находясь в СССР в самые страшные годы Большого террора, прилежно изготавливал репортажи о социалистическом строительстве в СССР.

«Спецы» и деятели культуры

Может быть, не так контрастно, но порой не менее драматично складывались судьбы экспатриантов и эмигрантов, которые не были коммунистами и оказались в СССР, потому что надеялись в полной мере реализовать свои профессиональные способности в свободном от расизма обществе. Очень выразительно пишет об этом в самом начале своих мемуаров Гомер Смит, объясняя, почему он, выпускник Университета Миннесоты по специальности «Журналистика», решил опраться в Советскую Россию:

Что заставило меня, двадцатидвухлетнего американского негра, предпринять долгое путешествие из Миннеаполиса в Москву? Быть свободным, сохранять достоинство — ради таких привилегий некоторые готовы отправиться куда угодно

16 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 21.

17 Gordon E. Lawbrerakers in Countrywide Movement to Leave Old Life for the New // Moscow Daily News. 1937. May 1.

и пожертвовать чем угодно. Я хотел... избежать тех обид, которые обычно выпадают на долю цветным в Соединенных Штатах. Решение казалось простым: Россия была единственным местом, где отсутствовала любая расовая дискриминация. <...> Я жадно читал репортажи о советском эксперименте, о пятилетке и бесклассовом обществе, создававшемся в России. «Daily Worker» пламенно писала о Советской России как о политической системе, которая ратует за социальную справедливость для всех угнетенных. <...> Наконец однажды, после жаркой перепалки в ресторане, где меня отказывались обслуживать, я принял решение (Smith 1964: 1—2).

Совершенно так же объясняет причины своего решения отправиться работать в СССР уроженец Ямайки, гражданин США Роберт Робинсон (1906—1994), трудившийся рабочим на заводе Форда:

У Форда я зарабатывал 140 долларов в месяц... Русский предложил мне 250, бесплатное жилье, службу, месяц оплачиваемого отпуска, автомобиль, бесплатный проезд в обе стороны. <...> Я представил, сколько препятствий нужно преодолеть, чтобы добиться чего-то в расистской Америке, вспомнил, что всего три месяца назад линчевали брата одного из моих друзей, и принял решение. Прочел контракт и поставил подпись (Робинсон 2012: 25).

История Робинсона хорошо известна благодаря переводному изданию его мемуарной книги «Черный о красных. 44 года в Советском Союзе». Робинсон был одним из «технических специалистов», то есть из тысяч американских «спецов», белых и чернокожих, которые подписывали контракты с «большевиками» и ехали в СССР с убеждением, что от них ждут только честного труда и четкого исполнения своих обязанностей, а взамен они получают достойную плату и социальное признание. Многие из этих специалистов и членов их семей по возвращении публиковали травелоги и мемуары о своей жизни и работе в СССР. Эти свидетельства до сих пор в массе своей остаются вне поля зрения исследователей. Русских переводов этой литературы также почти нет; мемуары Робинсона — редкое исключение. Тем не менее лакуны постепенно заполняются, в том числе и в области афроамериканских свидетельств.

После пионерского исследования Элисон Блейкли «Россия и негры: чернокожие в русской истории и мысли» (1979) Дж. Кэрю реконструировала историю делегации из двенадцати чернокожих специалистов по сельскому хозяйству, приехавших в СССР 7 ноября 1931 года. Все они были выпускниками и сотрудниками лучших негритянских университетов и специализированных колледжей и владели разными профессиями: хлопководство, агрономия, строительство, животноводство, ирригация, агрохимия [Сагев 2009: 97]. Главный мотив, который стоял за решением поехать на работу в СССР, был все тем же: «В качестве технических специалистов они хотели вложить свой интеллект и свой труд в советские проекты, поскольку их родина не особенно нуждалась в них как в профессионалах» [Ibid.: 99].

Группа была направлена в Среднюю Азию — поднимать сельское хозяйство в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении. На экспериментальной станции под Ташкентом афроамериканские «спецы» занимались выращиванием хлопка, сахарной свеклы, арахиса и других культур. Ими был сделан целый ряд открытий и усовершенствований: например, Джон Саттон (John Sutton) внедрил новую технологию изготовления веревок, используя в качестве сырья

рисовую солому — это изобретение позволило отказаться от закупок джута в США (Робинсон 2012: 355—356).

Главным организатором «сельскохозяйственного десанта» был Оливер Голден (Olver Golden, 1892—1940), с детства работавший на хлопковой плантации. Одноклассник Гарри Хейвуда, он поступил в Таскиги и после университета, столкнувшись с расизмом при поиске работы, заинтересовался левыми идеями, был рекрутирован в компартию Ловеттом Форт-Уайтменом, и в 1925 году поехал на два года учиться в КУТВ. Именно Голден вел переговоры с советской стороной, настаивая на том, что для афроамериканских специалистов будет особенно важно помогать своим братьям в Средней Азии — поскольку в представлении американцев эти народы принадлежали к «цветным».

Некоторые из участников «сельскохозяйственного десанта» вернулись на родину по прошествии двух лет, по истечении контракта, другие задержались на более долгий срок — например, изобретатель Джон Саттон, уехавший в 1937 году, а также супруги Джозеф и Сэди Роуэн (Joseph Roane, Sadie Roane), которые, отработав два года в Узбекистане, провели еще несколько лет сначала на Северном Кавказе, потом на Украине и покинули СССР в разгар Большого террора. Но их отъезд не был связан с этими грозными событиями; напротив, они сохранили самое благоприятное мнение о советском обществе. В 1931 году, когда их первый ребенок родился в Ташкенте, они назвали его Джозеф Сталин Роуэн — под этим именем он и посещал вначале советский детский сад, потом школу.

Несколько специалистов решили навсегда остаться в СССР. Голден стал инструктором в Ташкентском институте инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства и внес заметный вклад в модернизацию и прогресс отрасли. Его избрали депутатом городского совета. Он умер в Ташкенте в 1940 году. Эмиграцию выбрал и Джордж Тайнс (George Tynes), сын негритянского проповедника и индеанки из племени дакота, получивший диплом инженера-механика сельского хозяйства. В 1939 году Тайнс принял советское гражданство, женился на русской женщине, и у них родились трое детей; во время войны он был мобилизован, а после 1945 года работал в Крыму, в Грузии, в Поволжье и закончил трудовую деятельность в 1974 году на посту директора птицефермы под Москвой. Его заслуги были трижды отмечены медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [Blakely 1979: 97; Carew 2009: 111—112] (см. также: (Робинсон 2012: 356—357)).

Реконструируя историю чернокожих сельскохозяйственных специалистов, американские исследователи Э. Блейкли и Дж. Кэрью опирались в первую очередь на мемуары Лили Оливеровны Голден (1934—2010), дочери Оливера Голдена и Берты Бялик, и книгу известной российской журналистки, телеведущей Елены Абдулаевны Ханги (р. 1962)¹⁸, внучки Оливера Голдена, дочери Лили Голден и Абдулы Кассима Ханги, политика из Занзибара. Лили Голден выступала за теннисную сборную Узбекистана, училась в музыкальной школе и всерьез думала о спортивной или музыкальной карьере. Однако в итоге она окончила исторический факультет МГУ и аспирантуру (1957), защитила кандидатскую диссертацию об истории африканской музыки и более тридцати

18 Golden L. My Long Journey Home. Chicago: Third World Press, 2002; Khanga Y., Jacoby S. Soul to Soul: A Black Russian American Family, 1865—1992. New York: W.W. Norton, 1994.

лет проработала в Институте Африки АН СССР. В 1988 году Лири Голден уехала в США, но в 2003 году вернулась в Россию, где провела последние семь лет жизни, до самых последних дней участвуя в работе общественных организаций и благотворительных фондов (Центр гражданских инициатив, фонд «Журавлик» и др.).

Потомки, достигшие известности и сделавшие заметный вклад в культуру России, были и у эмигрантов творческих профессий — художника Ллойда Паттерсона, актера, режиссера и драматурга Вейланда Родда. И Паттерсон, и Родд приехали в СССР летом 1932 года в составе группы негритянских актеров для съемок пропагандистского фильма «Черные и белые»¹⁹, и оба после бесславного финала этого кинопроекта решили остаться в России.

Уроженец Нью-Йорка Ллойд Паттерсон (Lloyd Patterson, 1910—1942) в 1932 году женился на художнице и модельере Вере Ипполитовне Араловой (1911—2001), которая сотрудничала с Театром имени Мейерхольда (ГосТиМ); судя по всему, там и произошло их знакомство. Г. Смит так характеризовал своего соотечественника:

Ллойд Паттерсон, учившийся на художника в Хэмптонском институте дизайнера интерьера, так и не смог в Америке устроиться работать по специальности. Он часто повторял, что единственную работу, хоть как-то связанную с его профессией, которую он смог найти в своем родном городе Уэстфилде (штат Нью-Джерси), была побелка заборов (Smith 1964: 64—65).

В этой характеристике снова присутствует все та же причина эмиграции — расизм, невозможность найти работу по профессии и добиться социального признания. Напротив, жизнь в советском обществе предстает как во всех отношениях достойная: здесь Паттерсон состоялся как профессионал, обрел счастье в семейной жизни. В Советском Союзе он работал по специальности — художником, сценографом (в частности, готовил декорации для ряда спектаклей Театра имени Мейерхольда), дизайнером интерьеров гостиниц («Метрополь», «Москва») и других общественных зданий, декоратором улиц; он также стал диктором англоязычных программ на Московском радио. У Паттерсонов родились трое детей; старший, Джеймс Ллойдович Паттерсон (р. 1933), сыграл роль чернокожего сына американской гимнастки Мэрион Диксон в фильме «Цирк» (1936).

В 1930-е в Советский Союз приехала мать Л. Паттерсона, левая активистка Маргарет Гласко (Margaret Glascoe). Г. Александров приглашал ее на роль чернокожей няни в фильм «Цирк», но получил отказ, так что няню сыграла чернокожая оперная певица (лирико-драматическое сопрано) Коретти Генриховна Арле-Тиц (урожд. Коретта Арле, 1894—1951), эмигрировавшая в Россию из США еще до революции. А Маргарет Гласко вместо кинокарьеры в 1934 году устроилась работать на 1-й государственный завод имени Сталина (с 1956 года — ЗИЛ), стала ударником производства. В Москве была издана ее книга «Двойное ярмо» (1937)²⁰.

19 Этот эпизод советско-афроамериканских контактов хорошо изучен. Вот лишь некоторые исследования: [Лапина 2023: 7—49; Микенберг 2023: 285—326; Baldwin 2002; Sager 2009: 115—139; Lee 2015: 119—148; Roman 2012: 125—153].

20 Гласко М. Двойное ярмо. Рассказ работницы-негритянки / Пер. с англ. П. Охрименко. М.: Профиздат, 1937.

В начале войны семья Паттерсона была эвакуирована, а сам он еще некоторое время оставался в Москве и получил контузию во время налета люфтваффе. Позже, в эвакуации в Комсомольске-на-Амуре, Паттерсон продолжал работу на радио, однако здоровье его было подорвано недолеченной контузией, лишениями военного времени, и в 9 марта 1942 года он скончался прямо в студии иновещания, прожив в СССР десять лет. Ему было всего 32 года.

В 1948 году Вера Аралова с детьми вернулась в Москву. Джеймс Паттерсон окончил военно-морское училище, служил на флоте, а после увольнения в запас поступил в Литературный институт (1964), стал членом Союза писателей (1967), печатался в периодике, опубликовал несколько сборников поэзии и короткой прозы²¹. В 1995 году он вместе с матерью переехал в США, где в 2022 году вышел перевод на английский его документальной повести «Хроника левой руки», сочетающей черты автобиографии и семейной саги (историю семьи автор реконструировал, опираясь на книгу своей бабушки М. Гласко)²². Книга снабжена вступительной статьей Элисон Блейкли, и статьей Р. Сейлис об истории семьи Паттерсонов (первую публикацию статьи см.: [Salys 2016]).

До конца жизни оставался в СССР и Вейланд Родд (Wayland Rudd, рус. Вейланд Леонардович Родд, 1900—1952). Он родился в Линкольне, штат Небраска, рос без отца, а в девятилетнем возрасте лишился матери и попал в сиротский приют, где воспитывался до 16 лет, затем зарабатывал на жизнь физическим трудом (чернорабочий, уборщик, грузчик), а также стал вашингтонским корреспондентом левой афроамериканской газеты «Chicago Defender» и попытка получить высшее образование, проучившись год (1923—1924) в Говарде²³. Родд рано увлекся театром, играл в любительских спектаклях. Он участвовал в постановке пьесы Дюбуаза и Дороти Хейворд «Порги» (реж. Роберт Мамулян) в театре «Guild», показанной на Бродвее в 1929 году, был приглашен актером и режиссером Джаспером Дитером в труппу театра Хеджроу в Роуз-вэлли, штат Пенсильвания, где в числе прочего сыграл главные роли в «Отелло» (1930), «Императоре Джонсе» Ю. О'Нила (1931); участвовал в американской премьере оперы-оратории И. Стравинского «Царь Эдип» (1931).

В СССР он сразу был принят на работу в Театр имени Мейерхольда, где трудился четыре года. Его первой работой там стала роль негритянского джазового певца в постановке по роману Ю. Германа «Вступление» (спектакль шел в 1932—1937 годах). К. Силсби отмечает:

В раннем списке действующих лиц этот персонаж значился как «негр» и появлялся только в одной сцене. Хотя Родд начал репетиции 9 декабря 1932 года, имя его персонажа — Джонсон — появилось только 1 февраля 1933 года, это, ви-

21 «Россия. Африка. Стихи и поэма» (1963), «Хроника левой руки. Документальная повесть» (1964), «Рождение ливня» (1973), «Взаимодействие» (1978), «Зимние ласточки» (1980), «Красная линия» (1984), «Залив Доброго начала» (1984), «Дыхание лиственницы» (1985), «Ночные стрекозы» (1993).

22 *Patterson J.L. Chronicle of the Left Hand. An American Black Family's Story from Slavery to Russia's Hollywood.* Washington, DC: New Academia Publ., 2022.

23 См. документы, заполненные собственноручно В. Роддом: личный листок по учету кадров и автобиографию при поступлении на работу в Театр имени Моссовета (РГАЛИ. Ф. 1921. Оп. 2. Ед. хр. 273) и в Госкино (РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 15. Ед. хр. 1097). Также см. о нем: [The Wayland Rudd Collection... 2021].

димо, значит, что присутствие Родда усилило эту роль и превратило безымянного «негра» в более значимый персонаж со своим именем [Silsby 2018: 85]²⁴.

Точно не известно, какую именно песню исполнял В. Родд; это могла быть, например, «Русская колыбельная» Ирвинга Берлина [Ibid.: 89—90]. Г. Смит, написавший об этой постановке, отмечал, что Мейерхольд был очень доволен тем, как Вейланд Родд сыграл эту роль²⁵. С похвалой отозвался об игре Родда и Лэнгстон Хьюз²⁶.

Родд дважды готовился сыграть Отелло в постановках Сергея Радлова — в 1932 и 1935 годах, но безуспешно [Ibid.: 100—104]. Также он работал в кино: на студии «Межрабпомфильм» в 1933 году он снялся в фильме Льва Кулешова «Великий утешитель» в роли негра-заключенного. Лев Кулешов вспоминал:

Чрезвычайно приятно было работать с негром Вейландом Роддом... Родд отличался исключительной ритмичностью, превосходными актерскими данными, красивым голосом и чудесной эмоциональностью. Родд мечтал сыграть Пушкина. Он нам рассказал, что негры считают Пушкина своим национальным поэтом. В те времена Родд едва-едва говорил по-русски, но старание в работе и учении было у него поразительным, так что к концу картины с ним можно было с легкостью изъясняться на русском языке²⁷.

Другими его работами в кино были роли негра Джима («Том Соьер», 1936), Геркулеса («Пятнадцатилетний капитан», 1945), папуаса Ура («Миклухо-Маклай», 1947), эпизодическая роль американского солдата («Встреча на Эльбе», 1949).

Родд был четырежды женат²⁸, и последний и самый прочный супружеский союз он заключил с американкой сербского происхождения, пианисткой Паулиной Марксити (1915—2007; сценическое имя Лолита Марксити): в 1929 году она вместе с родителями переехала из США в Советский Союз, закончила Московскую консерваторию. С Роддом она познакомилась во время войны, когда они оба выступали перед бойцами в составе фронтовых бригад. В этом браке родились двое детей — дочь Виктория (ее называли так, поскольку она родилась 9 мая 1945 года) и сын Вейланд Родд-младший (р. 11 декабря 1946), который стал известным советским джазовым музыкантом, певцом и актером²⁹.

В 1934 году, приехав в отпуск в США, Родд опубликовал в журнале «Crisis» статью об американском и русском театре. По мнению Родда, в американском театре, где главным критерием успеха является кассовый сбор, социальная драматургия почти не имеет шансов пробиться к зрителю. Напротив, советский театр стремится быть полезным обществу, и советская власть, признавая огромное социальное значение театра, щедро финансирует постановки. Родд признает наличие в СССР цензуры, но объявляет ее благом, поскольку цензура

24 К. Силсби опирается на данные из РГАЛИ: Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 747, 748, 756.

25 *Chatwood Hall. A Column from Moscow // Chicago Defender. 1933. March 4.*

26 *Hughes L. Mixes Russian and Jazz on Soviet Stage // Baltimore Afro-American. 1933. February 25.*

27 *Кулешов Л.В., Хохлова А.С. 50 лет в кино. М.: Искусство, 1975. С. 159—160.*

28 Личное дело Вейланда Родда. Отдел кадров Комитета кинематографии при СМ СССР. 3 января 1948. РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 15. Ед. хр. 1097. Л. 4.

29 Вейланд Родд-младший был женат несколько раз, в том числе на певице Ирине Понаровской. Их брак длился семь лет, это был не только семейный, но и творческий союз.

отсеивает низкопробные, бессодержательные, неудачные и идейно вредные опысы, стремясь сделать театр качественным и остросоциальным:

Правительство Советов, которое субсидирует театры, говорит: «Мы все обеспечим, у вас не будет дефицита, но ваши пьесы должны оздоравливать общество». Ангелы Бродвея говорят: «Позаботьтесь о наших карманах, а общество может катиться ко всем чертям»³⁰.

В карьере Родда вскоре после возвращения из США начались изменения. Когда в 22—23 декабря 1937 года на общем собрании ГосТиМа обсуждалась разгромная статья П.М. Керженцева «Чужой театр» (Правда. 1937. 17 декабря), Родд был в числе выступавших против Мейерхоolda: в своей краткой речи он подчеркнул, что Мейерхоold, безусловно, театральный гений, но указал на его высокомерие и индивидуализм³¹.

Родд учился в ГИТИСе на режиссера (1936—1940), затем был принят в Театр имени Ленинского комсомола (1941) и работал там актером и ассистентом режиссера. С началом войны Родд оказался в эвакуации: в 1941—1942 годах был приписан к Свердловской филармонии, а в 1942—1943-м «мобилизован» — включен в состав фронтовых театральных бригад и в труппу фронтового театра «Огонек» (1943—1944). Режиссер Борис Голубовский вспоминал о выступлениях Вейланда Родда на фронте:

Трудно передать воодушевление, с которым встречали выступления Вейланда Родда на фронте. Для солдат и офицеров его появление было символично — оно как бы предвещало долгожданное открытие второго фронта. Так и кричали Родду: «Ты про второй фронт скажи!» К сожалению, Родд ничего сказать об этом не мог³².

В годы войны в Ташкенте Родд поставил пьесу «Глубокие корни» А. д'Юссо и сыграл в этом спектакле роль Бретта. В 1944-м Родд вернулся в Москву, с октября стал актером Театра имени Моссовета³³, а с января 1946 года — Оперно-драматической студии имени К.С. Станиславского. Наконец, ему удалось сыграть роль Отелло — премьера спектакля состоялась 9 июня 1947 года.

Родд выступал также в амплуа драматурга. Он писал на английском, а затем профессиональным переводчиком при участии автора создавался русский текст. Все его драмы посвящены негритянскому вопросу в США, социальным и расовым проблемам. В СССР была издана его пьеса «Энтони Джонс», в основу которой была положена биография Анджело Херндона³⁴. Херндон был героем

30 *Rudd W. Russian and American Theatre // Crisis. 1934. Vol. 41. No. 9. P. 270.*

31 РГАЛИ. Ф. 2437. Оп. 3. Ед. хр. 1005. Л. 18. Стенограмма опубликована (с некоторыми купюрами) искусствоведем Н.М. Молевой (Советский музей. 1989. № 2. С. 60—67). Также о выступлении В. Родда сообщает А. Гладков в своем дневнике (запись от 23 декабря 1937 года): «В ГосТиМе продолжается актив. <...> Коллектив вполне показал себя. Против В.Э. выступили: Темерин, Субботина, Абдулов, Вейланд Родд, Рицнер, Богорская... (Гладков А.В. Из дневников // Наше наследие. 2014. № 108 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10812.php> (дата обращения: 18.06.2023)).

32 *Голубовский Б.Г. Мал «Огонек» да дорог // Нам дороги эти позабыть нельзя. Статьи, воспоминания, дневники / Сост. А.В. Эренберг, ред. Е.Д. Михайлова. М.: Всерос. театральное об-во, 1985. С. 198.*

33 РГАЛИ. Ф. 1921. Оп. 2. Ед. хр. 273. Л. 1.

34 *Родд В.Л. Энтони Джонс. Драма в 4-х действиях / Пер. с англ. Н. Венкстерн. М.: Искусство, 1938.*

советской пропаганды 1930-х, и произведение Родда на актуальную тему пришло очень кстати.

Судя по всему, любимым детищем Родда была пьеса «Джимми Кроуфорд» (1949)³⁵, основанная на автобиографическом материале. Главным (и заглавным) ее героем был чернокожий мальчик, воспитанник американского сиротского приюта. Действующие лица пьесы — приютские негритята, приятели Джимми; надзирательница миссис Тернер; брат Ван Дейк с женой — лицемерные ханжи, белые миссионеры, кормящие сиротский дом; расист-плантатор Сикрест и его сын Вальтер. Есть и герои, которые помогают сиротам — чернокожий доктор Лэнгстон с женой и его свояченица, учительница мисс Кора. Еще один положительный персонаж — чернокожий рабочий Джоэль, ветеран Первой мировой войны, который чувствует, что из маленького бунтаря Джимми вырастет борец за права угнетенных. Наряду с пропагандистскими штампами, пьеса переполнена диккенсовскими мотивами в духе «Оливера Твиста».

Пьеса неоднократно перерабатывалась Роддом, старавшимся адаптировать ее к текущему моменту. Вероятно, более ранней ее редакцией с другим названием («Дом добродетели») была версия сюжета, в котором расист-плантатор Сикрест и брат Ван Дейк оказываются агентами немецкого нацизма. Их разоблачают приютские негритята с помощью рабочего Джоэля и Бродяги, мистера Хобо, который оказывается переодетым патриотом-разведчиком. Именно ему Родд поручает произнести пламенную речь:

Статуя Свободы принуждена протянуть руку и ухватиться за звезды, чтобы не упасть в Атлантический океан от стыда за людей, которые меняют свою душу и родину на кровавое фашистское золото!³⁶

В архиве сохранилась также пьеса Родда «Тень на пути»³⁷ — продолжение истории Джимми Кроуфорда: герой здесь уже не ребенок, а молодой человек. Тема пьесы все та же — борьба черных и цветных героев против расового и классового гнета.

Судя по всему, пьесы Родда не были напечатаны (кроме «Энтони Джонса»); однако Родду за его сочинения выплачивали авторский гонорар, с ним работали переводчики и соавторы, его пьесы обсуждались творческой комиссией. Так, например, в регистрационной карточке Всесоюзного управления по охране авторских прав (ВУОАП)³⁸ пьесы «Прямая дорога», созданной Роддом вместе с Ириной Мелеховой³⁹, указывались доли гонорара, причитающиеся каждому из соавторов. Сохранилось извещение об ее обсуждении на открытом заседании худсовета⁴⁰.

35 *Вейланд Родд*. Джимми Кроуфорд. Пьеса в 3-х актах, 8-ми картинах. Литературная обработка и тексты песен Лии Гераскиной. 1949. РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 3935.

36 *Вейланд Родд*. Дом добродетели. Пер. с англ. Л.Г. Шпет. [Б.д.]. 68 л. РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 5. Ед. хр. 418. Л. 54.

37 *Вейланд Родд*. Тень на пути. Драма в 4-х актах. Пер. с англ. Т. Озерской. 1940. 82 л. РГАЛИ. Ф. 2307. Оп. 2. Ед. хр. 260.

38 РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 6. Ед. хр. 75. Л. 3.

39 *Родд В., Мелехова И.С.* Прямая дорога. Драма в 3-х действиях, 9-ти картинах. 1948. РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 3936. Другая редакция этой пьесы: *Родд В., Мелехова И.С.* Белый негр. Драма в 4 актах, 8-ми картинах. 1949. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6777.

40 РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 3936. Л. 2, 2а.

Вейланд Родд оставался в профессии до самой смерти (он умер неожиданно в 52 года, 5 июля 1952 года⁴¹ от перитонита), снимался в кино, работал в театре. В 1947 году он опубликовал в газете «Советское искусство» статью, выдержанную в духе пропагандистской советской риторики. Он описывал унижения и травлю, которой подвергался в США, заверял, что только в СССР узнал радость полноценного творческого труда и присягал на верность своей новой родине⁴².

Можно констатировать, что с того момента, как Родд принял решение остаться в СССР, он последовательно держал курс на «натурализацию», стремясь стать настоящим советским человеком. Когда был закрыт проект фильма «Черные и белые», он не пытался вывести на чистую воду большевиков, «предавших черную расу», как считали многие афроамериканцы-частники съемочной группы; в статье для журнала «Crisis» агитировал за прогрессивный советский театр и обличал продажный Бродвей; не стал отрываться от коллектива, поучаствовав в травле Мейерхольда; опубликовал пропагандистскую статью в духе риторики холодной войны в «Советском искусстве». Но хотя в этой статье Родд уверял, что только в СССР смог полностью отдаться творчеству, уже через месяц после ее публикации, 3 января 1948 года, он писал в автобиографии, представленной в отдел кадров Комитета СССР по кинематографии (Госкино):

Хочу отметить, что эти почти десять лет, которые я прожил в СССР, не были такими плодотворными, какими они должны и могли быть. Причина кроется в недостаточной серьезности руководителя Комитета [кинематографии] по отношению ко мне как негритянскому артисту серьезного плана⁴³.

Вместе с тем нельзя отрицать, что верное служение Родда новой родине получило достойное вознаграждение. В профессиональных кругах Родда ценили, его карьере не помешала и антиамериканская кампания, набиравшая силу в СССР на рубеже 1940—1950-х. Одно из свидетельств тому — его творческий вечер, прошедший в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) 9 июня 1947 года. На нем Родд наконец-то выступил в роли Отелло, которого так мечтал сыграть по-русски на русской сцене.

Совсем другую позицию по отношению к сталинскому режиму занял Нил Гомер Смит (1909—1974), проживший в Советском Союзе 14 лет. Приехав в Москву в 1932 году, он поселился на Васильевском проезде, рядом с Красной площадью, и устроился служить на Главпочтамт, а с 1935 года стал работать по профессии — журналистом, и его статьи и репортажи (обычно подписанные псевдонимом Чэтивуд Холл) стали появляться в афроамериканской прессе («Chicago Defender», «Crisis» и др.). Смит не стал получать советский паспорт и принимать советское гражданство, не работал в советских институтах, а имел статус иностранного корреспондента в Москве, что обеспечивало ему относительную личную безопасность и высокий по советским меркам уровень жизни. Не раз этот статус спасал его в сложные моменты (например, при эвакуации из военной Москвы в октябре 1941-го); он пользовался своими приви-

41 См.: РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 15. Ед. хр. 1097. Л. 3; и некролог: Вейланд Родд // Советское искусство. 1952. 9 июля.

42 Родд В. Моя новая родина // Советское искусство. 1947. 5 декабря.

43 РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 15. Ед. хр. 1097. Л. 5.

легиями и для того, чтобы помогать другим, особенно соотечественникам и собратьям по расе.

Смит описал свою русскую одиссею в мемуарной книге «Чернокожий в красной России» (1964). Первые две ее главы посвящены «впечатлениям неопфита», описаниям красот «европейской столицы» — Ленинграда и «евразийской столицы» — Москвы. Далее следуют рассказы о разных его чернокожих соотечественниках — экспатриантах и эмигрантах, с которыми он встретился в СССР, в том числе и о московских старожилах, переехавших в Россию еще до революции, — актрисе Эмме Харрис и певице Коретти Арле-Тиц (глава V «Эмма: московская мамми»).

Особый и очень важный для Смита сюжет — его знакомство с правнучкой Пушкина Екатериной Александровной и его внуком Григорием Александровичем. Этому посвящена большая VII глава. В первой ее части Смит рассказывает, как состоялось его знакомство с потомками поэта, в каких нищенских условиях они жили в Москве, как он, Смит, по мере сил помогал им, доставал одежду и обувь для их детей, в том числе через семью Пола Робсона, чьи сыновья учились в школе в Москве. Вторая часть главы — очерк о Пушкине, чьей жизнью и творчеством Смит увлекся всерьез: собирал материал о поэте, много читал о нем, в том числе работал в фонде Пушкинского Дома.

Литературные аллюзии использует Смит и когда рассказывает о своем знакомстве с будущей женой, «Марией Петровной». Он увидел ее на студенческом новогоднем бале и был сражен прелестью юной брюнетки с нежным, розовым личиком: «Я подумал, что она — самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, и от нечего делать стал раздумывать о Наталье Гончаровой, московской красавице, на которой женился Пушкин» (Smith 1964: 98). Первое свидание Смита и Марии Петровны было назначено у памятника Пушкину на Пушкинской площади.

Смит наладил хорошие отношения с родственниками жены; он вообще легко находил общий язык с окружающими. В мемуарах он пишет, что его привлекали многие черты русского характера:

...человечность, гостеприимство и простота, внутренне присущие обычным русским людям, — это качества, которые не смогла искоренить даже многолетняя коммунистическая антизападная пропаганда. Долгий и тесный контакт с простыми русскими людьми убедил меня в том, что они не испытывают неприязни к американцам; и я не верю, что большинство американцев питают к русским вражду (Ibid.: 137).

В качестве «иностранный корреспондент» Гомер Смит наблюдал важные события советской истории. В 9 главе он рассказывает, как присутствовал 5 декабря 1936 года в Кремле при рождении новой Конституции, и описывает свою встречу со Сталиным.

В кабинет вошел «отец новой советской Конституции». Он шел медленным, размеренным шагом и, как мне показалось, с натянутой, жесткой, как гранит, улыбкой на лице. Он явно испытывал удовлетворение от того, что позади него выкрикивали его имя и кричали «ура!». Сталин взглянул в мою сторону — у него были холодные, стальные глаза... Его взгляд вонзился в меня, как пуля в яблочко мишени. <...> Он был низкого роста, приземистый, коренастый, с бочкообразным животом. На нем был простой серый прямой китель, застегнутый под самое горло,

и такого же цвета брюки, заправленные в голенища сапог, доходивших ему почти до колен. Под его крючковатым носом виднелись каштановые усы, прикрывавшие широкий, большой рот. Его виски уже слегка серебрились, густые темные волосы были зачесаны назад, открывая покатый лоб. Его миндалевидные глаза выдавали примесь монгольской крови (Ibid.: 75—76).

Главу о принятии сталинской Конституции Смит завершает печальной сентенцией:

Трудолюбивый русский народ за последние 17 лет заслужил больше свобод, чем те, что были ему даны. Мы искренне надеялись, что новая Конституция сработает и создаст для них новую жизненную реальность. Разочарование не заставило себя ждать — Большой террор 1938 года быстро лишил нас иллюзий (Ibid.: 76).

Есть у Смита главы об индустриализации и первой пятилетке (гл. III), о советской прессе и цензуре — Главлите (гл. XI), а почти вся вторая половина книги посвящена войне. Смит пишет только о том, что видел и что испытал, в том числе описывает «московскую панику» в середине октября 1941 года, повседневный быт военной Москвы, свою работу корреспондента, эвакуацию в Куйбышев, свои поездки на фронт в конце декабря 1941-го — январе 1942-го и возвращение в Москву, когда миновала опасность взятия столицы гитлеровцами:

Москва была в запустении, повсюду чувствовалась война, стоял запах войны. Говорили, что было эвакуировано больше половины населения, и некогда оживленные улицы были пустынно. Милиция патрулировала город. Все жители были голодными и напряженными (Ibid.: 150).

В холодной и голодной Москве Смит навестил Е.А. Пушкину и помог ей с продуктами — как и еще несколькими знакомым, все это время остававшимся в городе.

С 1944 года Смит в качестве корреспондента «Associated Press» двигался вслед за советскими войсками на запад, готовя репортажи об освобождении территории СССР и восточноевропейских стран от немецких оккупантов. Смит включил в число военных глав рассказ об освобожденном Крыме (гл. XX), Одессе (гл. XXI), о Катыни (гл. XIX), о Майданеке (гл. XXIII). В то время как всеобщее внимание было приковано к евреям, погибшим или выжившим в концлагерях, Смит нашел фото и документы, доказывавшие, что нацисты в 1940 году на линии Мажино захватили в плен и отправили в Майданек множество сенегальских стрелков.

В XXIV главе мемуаров Смит рассказывает о судьбе шурина Пола Робсона (брата его жены Эсланды Гуди-Робсон) Фрэнка Гуди, эмигрировавшего в СССР и ставшего знаменитым борцом. До войны Гуди наслаждался всеми привилегиями знаменитости и вел по советским меркам роскошный образ жизни, доступный только номенклатуре и иностранному дипкорпусу. Однако во время войны он, лишившийся работы и эвакуированный на Урал, оказался в плачевном состоянии. Вернувшись в Москву, Гуди обратился за помощью к Смицу, своему собрату по расе.

В тот ледяной январский вечер 1945 года я впустил к себе в квартиру изголодавшегося, иззябшего и совсем павшего духом американского негра. Когда он снял пальто, я заметил, как сильно его могучий торс уменьшился в размерах. Пока он

отогрелся у батареи, моя жена отправилась готовить ужин. Я помог ему стащить валенки и увидел, что вместо носков его ноги обмотаны каким-то тряпьем. <...>

Полностью очистив стол, Гуди устроился на моем диване — с набитым желудком и в задумчивом настроении. <...> «Что ж, Фрэнк, война, похоже, кончается, — сказал я. — Какие у тебя планы на послевоенное время?» «Я был бы не против отправиться домой, брат, — ответил он. — Но теперь у меня советский паспорт. Думаешь, они меня выпустят? Помнишь, я носил костюмы из прекрасной шотландской шерсти и самую лучшую английскую обувь? А посмотри на меня сейчас — я одет как большинство русских, и даже хуже. До войны мне и в голову не могло прийти, что я дойду до такого» (Ibid.: 196—197, 198, 200).

Фрэнк Гуди остался в Советском Союзе, перебравшись по окончании войны вместе с семьей в Горький. Гомер Смит после войны также планировал продолжать работать в СССР. Однако скоро стало понятно, что его надежды на демократические перемены рухнули, репрессии снова начинают набирать обороты, а вчерашние союзники — США и Британия — превращаются во врагов. Тогда он пришел к выводу, что ему пора покинуть Россию. Это решение созрело у него через год после войны, летом 1946-го. Смит утверждает, что ключевую роль в этом сыграли постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и травля «лучших писателей России Ахматовой и Зощенко» (Ibid.: 203).

Смит тщательно подготовился к «эвакуации». Он провел переговоры в посольстве Эфиопии в Москве, был принят на работу в пресс-службу правительства этой страны, в октябре 1946-го купил в «Интуристе» круиз и на пароходе «Сестрорецк» выехал из СССР в Финляндию, откуда через Швецию, Англию, Францию и Египет добрался до Эфиопии. Через год его жена смогла присоединиться к нему. В 1962-м Смит с супругой вернулся к себе на родину, в Соединенные Штаты.

В заключительной главе своих мемуаров Смит, размышляя о выборе, который сделал он сам и другие чернокожие американцы-эспатрианты, пишет:

Несмотря на то что в России было гораздо меньше материальных возможностей, чем в Америке, я никогда не слышал, чтобы кто-то из негров жаловался на жизнь в России. Был дефицит всего; не было той свободы слова, которой они пользовались в Америке. Тем не менее негры чувствовали, что полное расовое равноправие полностью компенсирует все эти издержки. Они искренне любили Россию и русских. Но когда в конце 1930-х Сталин начал Большой террор, когда иностранные технические специалисты стали покидать Россию, большинство негров тоже взялись за свои американские паспорта и начали изучать расписание поездов и пароходов (Ibid.: 206—207).

Действительно все афроамериканцы, и гости СССР, и эспатрианты, дружно свидетельствуют, что законодательно закрепленное равноправие, отсутствие расовой дискриминации было для них сверхценностью, и ради этого они готовы были мириться со многими негативными сторонами жизни в СССР. Большой террор в общем и целом обошел их стороной — единственным исключением стал несчастный Ловетт Форт-Уайтмен. Однако со временем многие из них утратили веру в преимущества советского строя, хотя вернуться на родину смогли или пожелали не все.

Библиография / References

- [Лапина 2023] — *Лапина Г.В.* Американцы в Москве, 1930—1940. М.: Литфакт, 2023. (*Lapina G.* Amerikantsy v Moskve, 1930—1940. Moscow, 2023.)
- [Микенберг 2023] — *Микенберг Дж.С.* Американки в Красной России. В погоне за советской мечтой / Пер. с англ. Т. Азаркович. М.: Новое литературное обозрение, 2023. (*Mickenberg J.* American Girls in Red Russia. Chasing the American Dream. Moscow, 2023. — In Russ.)
- [Baldwin 2002] — *Baldwin K.A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Regarding Encounters Between Black and Red, 1922—1963. Durham, NC; London: Duke University Press, 2002.
- [Blakely 1979] — *Blakely A.* Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought. Washington, DC: Howard University Press, 1979.
- [Carew 2009] — *Carew J.G.* Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. Trenton, NJ: Rutgers University Press, 2009.
- [Davis, Mitchell 2009] — *Davis C., Mitchell V.D.* Eugene Gordon, Dorothy West, and the Saturday Evening Quill Club // *CLA Journal*. 2009. Vol. 52. No. 4. P. 393—408.
- [Lee 2015] — *Lee S.S.* The Ethnic Avant-Garde; Writers, Artists and Magic Pilgrimage to the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 2015.
- [McClellan 1993] — *McClellan W.* Africans and Black Americans in the Comintern Schools // *The International Journal of African Historical Studies*. 1993. Vol. 26. No. 2. P. 371—390.
- [Roman 2012] — *Roman M.L.* Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of US Racism, 1928—1937. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2012.
- [Salys 2016] — *Salys R.* The Pattersons: Expatriate and Native Son // *The Russian Review*. 2016. Vol. 75. No. 3. P. 434—456.
- [The Secret World... 1995] — *The Secret World of American Communism* / Ed. by H. Klehr, J.E. Hyanes, F. Firsov. New Heaven, CT: Yale University Press, 1995.
- [Silsby 2018] — *Silsby C.E.* African American Performers in Stalin's Soviet Union: Between Political Promise and Racial Propaganda: PhD Thesis. New York, 2018.
- [Solomon 1998] — *Solomon M.* The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917—1936. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1998.
- [The Soviet World... 1998] — *The Soviet World of American Communism* / Ed. by H. Klehr, J.E. Haynes, K.M. Anderson. New Haven; London: Yale University Press, 1998.
- [Tzouliadis 2009] — *Tzouliadis T.* The Forsaken: From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia. London: Little, Brown, 2009.
- [The Wayland Rudd Collection... 2021] — *The Wayland Rudd Collection: Exploring Racial Imaginaries in Soviet Visual Culture* / Ed. by Ye. Fiks, D. Milstein, M. Yankelevich. New York: Ugly Duckling Press, 2021.